

Александр
Шмидт

ГЛАГОЛЫ ПРОШЕДШЕЙ ЗЕМЛИ

БИРНАМСКИЙ ЛЕС

Ты человек
Совсем умом тронулся
Вроде безумного Макбета
Дождался
Когда даже лес
Там
В Припяти
С места тронулся
И пошёл на тебя
На приступ
Видел бы это Шекспир

РИФМЫ

Колокольчики,
Позванивающие на ошейниках рабов?!
Или погремущка младенца?!
Нет, Робинсон Джефферс,
Это колокольца
На колпаках прокаженных
Шутов гороховых
Звоном своим предупреждают:
Поэты идут.

ЛЕВИТАЦИЯ

Да опустишь
Наконец ты на землю
Хватит витать в облаках
Одернул меня приятель

И все
Не выходит никак у меня
Вторая попытка
Правильно делаю все
Но не взлетаю

СЧАСТЬЕ

Друг вспоминал
Последнее лето страны
Коктебель
Август
Карадаг в профиль
День наполнен солнцем всклень
Бриз мешается с запахом вянущих степных трав
Дети возятся на берегу
Собирают камушки
Сажу на скамейке
Слушаю море
Думать лень
Такие дни не часто случаются.
Только годы спустя понял
Это и было
Счастье

ЗНАК

В каталоге
Прихода и расхода
Дежурный Ангел
Следящий за статистикой
Отметит
Тебя
Банальной галочкой
А Чехова Антона Павловича –
Чайкой

ЭЗРА ПАУНД

А старик Эзра Паунд
Всё такой же
Ничто его не берёт
Стоит столбом или столпом
Кому что больше нравится

Вскинул руку
В фашистском приветствии
Или в римском
Кому что видится
Вытянул длинную
Костлявую руку
Словно шлагбаум
Время перегородил
Или меряет его на свой аршин
Вот ведь каков
Хоть кол на голове теши
А он хоть бы хны
И не заметил как
Поменял железную клетку
На пожизненную –
Морщин
В ней и живёт

САГА

Родился.
Умер.
Что этим ты хотел сказать?!

ЖИЗНЬ

Жизнь – серийный убийца, –
Не помню, кто это сказал.
Надо ж было влюбиться
В базар этот или вокзал,

В этот злой накопитель
Теснотой распаренных тел,
В полигон новых пыток,
Моровой беспредел,

Колумбарий, кладбище,
В никуда транспортёр...
Что ты смысл в этом ищешь?
Тьфу... и просто растёр.

Но лесная опушка
И ромашковый свет поутру,
Звонкий голос кукушки,
Детский: я никогда не умру!

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

На птичьих правах разместились на ветке
 Все те, кому тесны квартирные клетки,
 Кому это небо надёжнее крыши,
 Кому эти песни дарованы свыше.

И мне бы забыть человечесий свой страх
 И здесь прописаться на птичьих правах.
 Синичка, и горлинка, и воробей
 Зовут меня в небо: входи, не робей.

ПО ОБЛАКАМ

1

Какой-то дом неразличимый,
 Какой-то сон необъяснимый.
 Какой-то дом, какой-то сон
 Нежно-зелёный, розоватый...
 Забудешь всё, идя куда-то,
 Развоплощён и невесом,
 Как дым на небо вознесён
 И улыбаясь виновато.

2

А там, где времени не будет –
 Ни завтра, ни вчера,
 Кто после жизни нас разбудит:
 – Вставай, пора.

3

Свидеться – светлое слово.
 Вот мы и встретились снова
 Там, где разлуки и времени нет.
 Видишь, а ты говорила: тот свет.

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Вернулся в город когда-то родной
 Но он меня не узнал
 Пошёл
 Не зная куда
 Просто пошёл
 Куда глаза глядят
 Так ходят во сне

Какой-то лист
Спланировал с ветки
И на мгновенье прильнул к груди
Нежно и кратко
Словно боялся
Выдать радость от этой нечаянной встречи
Забрёл в проулок глухой
Ботинком зарылся в лиственный прах
Дохнуло
Не в ноздри
А в душу
Чем-то горько-печальным
Исчезающим
Всё еще родным.

ОСЕНЬ В АЛМА-АТЕ
(Или о необходимом и достаточном)

Пьяный японец или китаец
В черном костюме начинающего клерка,
В чарличаплиновском черном котелке,
На который
Странным образом
Спланировал желтый лист,
Шествует по уходящей из-под его ног улице.

Как удаётся ему
Не потерять этот жёлтый лист,
Будучи мертвецки пьяным?

Ведь необходимо быть трезвым настолько,
Чтобы нести этот кричащий жёлтый лист
И не
Уронить.

Или достаточно пьяным,
Чтобы этот жёлтый лист,
Покоящийся
На чёрном котелке
Этого китайца или японца,
В черном костюме клерка
Повторял траекторию полёта
И потому оставался
В полном покое,
Думая,
Что он продолжает свободно парить
В синем, прохладном, осеннем воздухе.

ЗА ГОРАМИ

В городе у гор
Жил и горя не знал
Яблоко золотое
По серебряному блюдечку катал
Лаской небес тогда мне жизнь казалась
И ласточка щеки моей касалась
На крылечке златом
Любимая и дети
В свет утренний были одеты
И смерть была за горами

А нынче
Город чужой – берлога бетонная
И жизнь чужая
Блюдце разбилось
И яблоко закатилось
Горести свои считать не успеваю
Просыпаюсь от собственного стога
Солнце встало
И как в яму провалилось
И смерть не за горами

ДИССОЦИАТИВНАЯ ФУГА

Очнуться на безлюдном вокзале
Неизвестного города
Оглушённый множасьимся эхом объявлений
На непонятном языке
Не зная
Кто ты
Где ты
В каком из миров
Не помня откуда ты
И куда направляешься
Обречённо лова воздух
И взгляд безучастный
Бельмастых часов

ТИТАНИК

Бабушка моя немка
Едва не уплыла в Америку
Еще до революции
Какая-то болезнь глаз

Что-то изысканно-латинское
Помешали семейству отправиться в Америку
Возможно на том самом Титанике
Как ни странно не забытом
После стольких мировых катастроф
Бабушка рассказывала мне о Титанике
Корабле огромном
Почти Ноевом ковчеге
Который с множеством милых
Пасхально-рождественских
Mädchen und Knaben
Frauen und Nehren
Пошел на дно океана
Бабушка вспоминала себя
Чистенькую немецкую девочку
Розовощёкую золотоволосую
Как на открытках тех предреволюционных лет
И вздыхала
Словно и она утонула
На том самом Титанике
Так и не увидев Америку
После того что потом с ней случилось
Весь исторический ад
Революции, войны
Бойня за бойней
Голод и тиф
Расстрел мужа в тридцать восьмом
Смерти детей
Скотавагоны
Солончаки Казахстана
Комендатура
Весь этот кошмар
Гибель Титаника казалась ей сказочным сном
Грустным немного
А в общем чудесным
Который она с удовольствием мне пересказывала
Ведь дети любят страшные сказки
Это так развивает воображение
Как наяву
Я видел
Океан
Уходящий на дно корабль
Иллюминаторы светятся –
Клапаны грандиозной флейты
И хоры волн
В сопровождении океана
Исполняют реквием

КОНТАКТЫ ЧЕТВЕРТОГО ВИДА

Руины храма
Как после бомбёжки
Уцелевшие фрески
Лики святых
Строгие сосредоточенные
В нимбах
Или на фоне иллюминаторов
Выстроились в ряд
Готовятся к десантированию
Или к экстренной эвакуации
Негостеприимная планета
Агрессивная среда.
Спасать
Или
Спасаться?!

КРЕСТ

Взял и понёс
Но как-то неуверенно
Так
Словно это был
Не мой крест
Словно боялся
Что окликнут
Остановят
Эй
Брат
Чей крест несёшь
Это не твой крест
Отнеси его туда
Где взял

АМУР

А говорят
Это сказки для детей
Эхо забытого мифа
И я не верил
Но в самое сердце
Остро кольнуло
Краем глаза

Успел заметить
Что-то
Вспорхнуло
Ни лука
Ни стрелы
Только торсионный
Тающий след
Недоброй усмешки

МИСЮСЬ

Там за рекой, за беспамятной Летой,
Я тебе больше уже не снюсь.
Как там у Чехова –
Всхлип сердечный: «Мисюсь,
Где ты?»

АЗБУКА БРАЙЛЯ

Азбуку любви
Мы тогда
Заучивали наизусть
Тактильно

Все выпуклости и впадинки
Всхолмия и ложбинки

Мы читали друг друга
Наощупь
Как слепые
Песнь Песней

ВСПОМИНАЯ ХАФИЗА

Когда бы соловьём коленца
Выщёлкивать весь век меж роз.
Так нет, хрустеть больной коленкой,
Кляня в сердцах: артрит, артроз.

А было время битв любовных,
Когда, проснувшись поутру,
Сказать по правде, я не помнил
Ни Самарканд, ни Бухару,

А только твой пьянящий шёпот,
Тебя, о всадница, в огне,
Жемчужные росинки пота
И родинку, ты знаешь где.

ГЛАГОЛЫ ПРОШЕДШЕЙ ЗЕМЛИ

Есть маленький остров Бали,
Где в снах мы только бывали.
Там, щурясь от солнечной пыли,
Ты скажешь: «любили, забыли», —
Глаголы прошедшей земли,
Куда мы с тобой не доплыли.
Хотели, но не смогли.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ПИФАГОРА

Снег был
Белый белый
Чистый чистый
Ты написала на снегу
Сашка я тебя люблю
Это я потом узнал
Золотое правило Пифагора
Никогда
Ничего
Не пиши
На снегу

